

РЕЦЕНЗИИ

Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли: (Древнеславянские деантропонимные образования). – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005. – 467 с.

Не иссякает интерес человека к языку земли – топонимии. С самых разных позиций о ней писалось и пишется немало, но с давнего времени до наших дней читателя по-особому привлекают те работы, в которых за топонимическими свидетельствами слышится голос самой истории. «Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово, малейшая черта древности дает повод к соображениям» (Н. М. Карамзин), – этими словами, замечательно передающими пафос историко-топонимической науки, открывается монография В. Л. Васильева, посвященная архаической топонимии Новгородской земли.

Эта книга явилась итогом многолетней работы автора, о которой читатель мог ранее судить по целому ряду статей, публиковавшихся в лингвистических и историко-краеведческих изданиях. В то же время материалы, представленные в монографии, большей частью являются совершенно новыми – как по отношению к предшествующим опубликованным работам В. Л. Васильева, так и по отношению к иным известным историко-топонимическим исследованиям.

Цель монографии определена автором как историко-этимологическое обоснование новгородских топонимических древностей славянского происхождения – географических названий, связанных с позднеславянским и древнерусским временем. Предмет исследования ограничен географическими названиями, производными от личных собственных наименований и обозначений лиц, или – в целом – деантропонимной топонимией, локализуемой в области средневековой Новгородской земли (это обозначение включает в работе Водскую, Шелонскую, Деревскую и Бежецкую пятины, а также юго-западную часть Обонежской пятины). В книге содержится более 350 статей, в которых объясняются сотни древних деантропонимных географических названий этой территории. Большой частью это ойконимы, однако в монографии рассматривается и ряд отантропонимических гидронимов.

Книга включает предисловие (с. 7–9), введение (с. 10–33), семь глав (с. 34–368), заключение (с. 369–374) и обширную справочную часть (с. 375–464), содержащую список источников и научной литературы (330 – на русском языке, 62 – на иностранных языках), перечень принятых в работе сокращений, индекс топонимов, индекс имен и обозначений лиц, а также *Summary* на английском и немецком языках. Некоторые главы и разделы книги сопровождаются лингвогеографическими картами (всего карт 9).

В предисловии автор обосновывает научную необходимость появления данной работы, призванной преодолеть фрагментарность и разрозненность исследований исторической новгородской топонимии. В. Л. Васильев предлагает свой путь этого «преодоления», пред-

ставляя монографию не только как самостоятельное исследование древнеславянской деантропонимной топонимии Новгорода, но и как «первую часть научной трилогии о топонимических древностях средневековой Новгородской земли», вторая часть трилогии, по замыслу, автора будет посвящена анализу деапеллятивной топонимии, третья – топонимии дославянского происхождения.

В начальной части введения автором детально очерчены исторические и современные границы региона, обрисован его древний и нынешний русский диалектный ландшафт, охарактеризованы российские и зарубежные исследования, посвящавшиеся топонимии Новгородской земли на протяжении конца XIX – начала XXI в. Отмечая с опорой на эти исследования очевидную сложность картины региональной топонимии, В. Л. Васильев выделяет в ней шесть основных языковых пластов: 1) древнефинский, 2) древнеиндоевропейский, 3) древнебалтийский, 4) архаический славянский, 5) старорусский и русский, 6) древнескандинавский. Отдельно указаны относительно поздние (XVII–XIX вв.) географические названия, оставленные переселившимися на Новгородские земли карелами, эстонцами и латышами.

Далее во введении кратко излагаются задачи и методика исследования, а также, что особенно важно отметить, достаточно детально характеризуются понятия, перспективно значимые для всех исследований подобного рода. В частности, русская «архаическая топонимия» (также «древняя», «ранняя») определяется В. Л. Васильевым как «маркированная наличием каких-либо древнеславянских (древнерусских) черт структуры», последние же раскрывают свою пережиточность в «неспособности к спонтанному возникновению тождественных топонимических форм на сопредельных территориях» (с. 22). Это теоретическое определение конкретизируется далее для новгородского региона двумя хронологическими границами: VII–VIII вв. – последняя четверть XV в. Традиционно верхняя граница проводится несколько глубже, однако свою точку зрения автор обосновывает с необходимой корректностью и убедительностью.

В заключительной части введения характеризуются источники топонимического материала. Несмотря на некоторую лаконичность их описания, уже на этих страницах книги становится очевидной та колоссальная работа, которая проведена автором с источниками фактически тысячелетнего периода. Важнейшими из них явились новгородские писцовые книги конца XV–XVI в., актовые материалы XII–XV вв., материалы берестяных грамот из Новгорода и Старой Руссы, списки населенных мест Российской империи (2-я половина XIX в.), списки населенных мест Новгородской губернии начала XX в., многотомный «*Russisches geographisches Namenbuch*», современные справочники административно-территориального деления и топографические карты различного масштаба. Привлечены в работе и иные источники – в отдельных случаях в их качестве используются даже древнейшие граффити на штукатурке новгородского Софийского собора. Хронологическую широту, жанровое разнообразие и богатство топонимических источников необходимо отметить как одно из высочайших достоинств исследования, в немалой степени обеспечивших успешное решение поставленных автором задач.

Основная часть монографии состоит из 7 глав: 1. Йотово-посессивная топонимия от личных имен; 2. Этимологическая и этноисторическая разработка топонимии с элементами *-гоиц/-гост-*; 3. Топонимия с *-ов/-ев-*, *-ин-*суффиксацией от древнеславянских личных имен; 4. Посессивно-патронимическая топонимия на *-ичи/-ицы*; 5. Топонимия катойконимического типа; 6. Топонимия, равная личным именам; 7. Названия улиц средневекового Новгорода XI–XV вв. Таким образом, в первой по шестую главах изложение материала опирается на достаточно хорошо известную структурную классификацию топонимов. В пределах глав классификация продолжается с опорой на структурный тип производящего антропонима; внутри

параграфов принят словарный (гнездовой) принцип изложения материала. Нельзя не отметить, что подобная композиция работы не только адекватна материалу, не только логична и удобна для читателя, но и служит важнейшей предпосылкой той высокой степени системности, которая отличает исследование В. Л. Васильева от работ многих предшественников. Единственный вопрос, возникающий у читателя в связи с общим построением работы – вопрос о последовательности словарных статей внутри параграфов: их порядок, как кажется, совершенно случаен (например, в первой главе друг за другом следуют *Ладомири*, *Домославль*, *Видимирское*, *Туховежи* и т. д.). Возможно, при отсутствии каких-либо иных ведущих принципов – даже при наличии индекса названий – был бы вполне уместен обычный алфавитный порядок подачи статей.

Самой высокой оценки заслуживает этимологическая сторона исследования. Глубина и убедительность историко-лингвистических реконструкций достигаются автором не только за счет фонетических построений, но и с помощью последовательно применяемых аргументов типологического характера: с одной стороны – межтерриториальных географических соответствий, с другой стороны – смысловых и структурных параллелей, связывающих древний именослов новгородских земель с антропонимикой всего славянского мира. В качестве иллюстраций приведем некоторые примеры из второй главы, которая примечательна не только богатством, но и особой дискуссионностью материала – древней топонимией на *-гоиц/-гост-*.

В статье *Миголоици* (с. 136) отмечается слоговая метатеза *-лого-* > *-голо-*, осуществившаяся в исходном названии *Милогоици*; ойконим тем самым возводится к личному имени *Милогость*. То, что это действительно так, подтверждается не только фиксацией этого имени в новгородской берестяной грамоте XIV в., но и целым рядом примеров из древних западно- и южно-славянских памятников письменности: польск. *Milogost*, *Milgost*, чеш. *Milihost*, полаб. *Milegost*, серб.-хорв., болг. *Милогост*, *Милгост*. Далее отмечаются примеры функционирования этого имени в топонимии: на новгородской территории (гидроним *Милогоиц* в бас. Десны), на иных территориях русского Северо-Запада (гидроним *Милогость* в бас. Ояти) и, наконец, на других славянских землях (два топонима *Milhošt* в Чехии, 2 топонима *Milogoszcz* в Польше, полаб. *Milogoěj* в Германии, словац. *Mil(o)gošt* в Венгрии, *Milogošča* на востоке Балкан).

На широком типологическом фоне оказываются столь же убедительными и объяснения тех названий, для которых производящие антропонимы не засвидетельствованы в новгородских письменных документах. Так, личное имя **Мирогость*, к которому возводится ойконим *Мирогоица* (с. 130–131), обосновывается, с одной стороны, продолжениями первого компонента в др.-рус. *Миронѣзь*, польск. *Mironieg*, хорв. *Miroslav* и др.; с другой стороны, существование имени **Мирогость* подтверждается его топонимическими фиксациями вне новгородской территории (*Мирогоиць* на Волини и в Белоруссии, *Мирогостово* в Ярославской губернии). Подобным образом обосновывается происхождение новгородских топонимов от имен **Нѣж(и)гость*, **Стоигость*, **Люд(о)гость*, **Кромѣгость* и мн. др.

Общие результаты столь глубокого и всестороннего анализа не оставляют сомнений в том, что древнеславянские названия на *-гоиц/-гост-* имеют по преимуществу антропонимическое происхождение. Более того, наблюдения автора, связанные с этой топонимической моделью (и шире – с *j*-овой моделью, которую представляют многие названия на *-гоиц-*), оказываются важнейшим звеном в решении сложных вопросов, касающихся этнической истории славян. В этом отношении существенно, во-первых, заключение В. Л. Васильева о значительной архаичности имен на *-гость*, которые являлись общеславянскими и «активно функционировали в I тысячелетии до н. э., но к началу славянской письменности стали

постепенно выходить из употребления» (с. 163). Во-вторых, безусловную историческую ценность приобретает воссозданная автором картина территориальной дистрибуции топонимов, отражающих этот древнейший тип имен (карта 6): она «обозначает пути продвижения славян к берегам Ильменя и оконтуривает первоначальные районы славянского освоения Приильмения... Обращает на себя внимание общая прикрепленность топонимии на *-гоиц/-гост-* к берегам Волги, Мологи, Мсты, Шелони, верховьям Луи и Плюсы – это маркирует главные пути продвижения славян по крупным рекам» (с. 166).

При том, что вторая глава во многих отношениях привлекает особое внимание читателя, все другие главы работы с лингвистической стороны столь же убедительны, столь же богаты интереснейшим материалом и столь же глубоки по характеру авторских интерпретаций.

Глубина и компетентность этимологического анализа проявляются в работе и в той необходимой осторожности, с которой, как правило, излагаются гипотезы, комментарии и выводы автора. Так, для названий на *-виж/-веж-* в качестве источника предполагается не только *-видъ*, но и *-вѣдъ*, которое допустимо семантически, хотя почти не подтверждается параллелями препозитивного употребления (ср. *Туховежи/Туховижи* < **Туховидъ* «надежду видящий» или **Туховѣдъ* «надежду знающий» – с. 47; *Перевижа* < **Перевидъ* «все видящий» или **Перевѣдъ* «все знающий» – с. 92). Подобным образом ойконим *Пустомержа* возводится к прозвищу **Пустомързъ* (ср. *мерзнуть*) или **Пустомердъ*/**Пустомерда*, буквально «пустая мерда», где др.-рус. *мерда* «рыболовная снасть, морда, верша» (с. 80). Учтены в работе и аналогические процессы, происходившие в течение исторической жизни названий. Так, в качестве одной из версий топоним *Люботеж* связывается с личным именем **Люботѣхъ*, давшим первоначальную топонимическую форму **Люботѣшь*, которая позднее выравнялась в соответствии с формами на *-еж* типа *Милодеж* (с. 55). Последовательно учитываются автором и иные существенные для этимологии явления: общерусские фонетические процессы, специфические черты древненовгородского диалекта и весьма разнообразные фонетико-морфологические метаморфозы, отмечаемые на собственно топонимическом уровне.

При общем высоком качестве лингвистического анализа в основной части монографии встречаются отдельные фрагменты, в которых проскальзывают неясности того или иного рода. Так, по поводу названия *Жидобужа* говорится следующее: «Надо полагать, современный ойконим *Жидобужа* находит межтерриториальную параллель в старописьменном *Житовож*, дер. Курского присуда Устьянского погоста Деревской пятины 1495 г. Последнее название легко свести к “правильной” топонимической форме **Житобужъ*... и далее к личн. *Житобудъ*» (с. 50). Допускаемое при этом фонетическое изменение **Житобужъ* – *Житовож* автор не комментирует, ограничиваясь не вполне очевидным для читателя указанием на «незначительность» этих изменений. В другой статье сообщается, что ойконим *Пробужа* «образован от личн. **Пробудъ* (к **byti* : *bъdetъ*; семантически – «пусть будет», которое весьма близко к личн. *Непробудъ*» (с. 84). В этом случае, как кажется, упускаются из виду другие возможности семантической трактовки антропонима и, соответственно, ойконима. Остается неясным для читателя упомянутое без комментариев древнерусское личное имя **Бдоѣдъ*, реконструируемое по историческому топониму *Едоѣжа* (с. 81).

Учитывая перспективы исследования, намеченные автором в предисловии, следует отметить и то, что некоторые приведенные в работе онимы нуждаются в дальнейшей проверке их собственно славянского происхождения. В качестве примера приведем ойконим *Радуево* (Обонежская пятина; с. 226), который по всем показаниям «вписывается» не только в славянский, но и в прибалтийско-финский онимический ряд: ср., с одной стороны, карел.-твер. *ratoi* «черный дятел, желна» [Пунжина, 231], с другой стороны – явно неславянские по своим

антропонимическим истокам названия на *-уево*, которые встречаются в Карелии, Прионежье и на Русском Севере – *Чекуево*, *Рембуево*, *Шадуево* и т. п.

Другой пример – названия на *Порх-* (с. 176–177), которые автор связывает с архаическим непроизводным восточно-славянским именем или прозвищем *Порхъ* (< **Пърхъ*). Фиксации этих топонимов по преимуществу северные, поэтому для них прибалтийско-финские антропонимические истоки также весьма вероятны: ср. фин. *porho* ‘богатый, состоятельный’, *porhakka* ‘бодрый; надменный, спесивый’; известна эта потенциально «антропонимическая» корневая основа и в карельском языке [см.: SSA, 2, 398]. Кроме того, в исторических документах, отражающих время после перехода *e > o*, графическое *порх-* может передавать и звуковую основу типа **n’opx* < **n’epx*, в связи с чем ср. приб.-фин. *perhe* ‘семья’ [SSA, 2, 339]. Есть еще финская основа *parh-*, дающая в числе дериватов значение ‘лучший’ (см. любой толковый финско-русский словарь; этот факт стоит иметь в виду не только в связи с вариантом *Пархово*, но и потому, что приб.-фин. *a* в эпоху ранних контактов мог передаваться русским *o*).

Изложенные замечания, впрочем, носят очень частный характер и ни в коей мере не затрагивают ни существа самой работы, ни существа ее выводов. В целом же не будет преувеличением сказать, что исследование В. Л. Васильева представляет в русской ономастике новый по многогранности и глубине тип историко-этимологических исследований. Представляется, что эта работа значительно переросла рамки своих собственно «топонимических» задач – открыв и проанализировав множество фактов, которые ранее не были известны в ономастических сферах истории русского языка и славистики, она стала новационной частью не только русского, но и славянского исторического языкознания. Не менее важно и то, что с опытом исследования В. Л. Васильева в русской ономастике особенно ясно высветились наиболее перспективные пути дальнейшего развития, связанные с углубленным – системным и системно-типологическим – изучением максимально полного регионального материала. Хотелось бы ожидать на этом пути новых работ и новых открытий, а автору рецензируемой монографии – пожелать успехов в осуществлении всех задуманных проектов.

Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.

SSA – Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja / Päätoim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

Л. Г. Гусева, канд. филол. наук,
доц. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского гос. университета им. А. М. Горького
Н. В. Кабинина, канд. филол. наук,
доц. кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского гос. университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)